

Камила Левитан
— ∞ —

ДЕТСКИЙ САД

Счастливое
детство
начинается
здесь
♡

ВМЕСТЕ ВСЕГДА

Развод

СУДЕБНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Развод с предателем.

Детей Ты не получишь!

Камила Левитан

**Развод с предателем.
Детей ты не получишь!**

«Автор»

2026

Левитан К.

Развод с предателем. Детей ты не получишь! / К. Левитан —
«Автор», 2026

Муж устроил мне публичный скандал прямо у ворот детского сада. Подставное видео, десятки телефонов, испуганные дети А на следующий день меня объявили сумасшедшей и отстранили от управления собственной компанией! Дмитрий уверял, что заботится о семье. Пока его любовница готовила новые провокации, он блокировал мои счета, выводил миллионы и угрожал забрать сына и дочь. Но они не учли одну деталь. Я не просто обманутая жена. Я женщина, которая построила бизнес с нуля! Теперь у меня есть настоящая запись с камер, доказательства финансовых махинаций и решимость вернуть всё. Ты хотел уничтожить меня, дорогой? Тогда приготовься ответить за каждую слезу наших детей!

© Левитан К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Камила Левитан

Развод с предателем.

Детей ты не получишь!

Глава 1

От портфеля Тимура пахло пластилином. Вчера я велела ему убрать поделку в коробку, сегодня уже было поздно выяснять, послушался ли он: молния на куртке заела у самого подбородка. Я тянула бегунок, придерживая ткань, и боялась защемить сыну кожу. В зеркале виднелся ворот моей растянутой футболки. Надо ещё переодеться, отвести детей и успеть в офис. Спала я часа три, а Дмитрий сидел рядом — одетый, свободный, с обеими свободными руками.

— Дим, помоги собрать сменку, — бросила я, не оборачиваясь. — Он снова забыл кроссовки.

Тишина. Дмитрий провёл пальцем по экрану смартфона.

Я развернулась. На банкетке рядом с Дмитрием лежал пустой мешок для сменки. Можно было просто протянуть руку, взять кроссовки и положить в него. Он сидел, наклонив голову к телефону. На мою просьбу даже не поднял глаз.

— Дмитрий! — повысила я голос. — Ты слышишь меня?

Он даже не моргнул.

— Значит, я сама? — спросила я уже совсем другим голосом и выдернула телефон из его рук.

На экране была открыта страница Марины. С маленькой фотографии смотрела девушка, которую я не сразу узнала. «Клиент доволен». Я успела прочесть эти два слова, прежде чем Дмитрий потянулся к телефону. Какая ещё клиентка у него с утра, когда перед нами босой ребёнок и мешок для обуви?

Дмитрий вздрогнул, будто его ударили током. Он вскочил, выхватывая гаджет обратно так грубо, что я оступилась.

— Не трогай мои рабочие файлы, — прошипел он. Голос был низким, опасным, чужим.

У меня заболело плечо. Дмитрий спрятал телефон за спину и стоял, пока я не отступила. За десять лет он ни разу так не делал. Мог буркнуть, что я мешаю, мог снова забыть про сменку. Но сейчас он смотрел, отойду ли я ещё на шаг. Рядом Тимур тербил незастёгнутую куртку.

Он схватил ключи и вышел первым, хлопнув дверью. Оставил нас с детьми посреди хаоса.

У ворот сорок второго сада родители почему-то задерживались. Обычно в понедельник все бегут: сдать ребёнка, успеть до пробок. Я ещё издалека увидела поднятые телефоны и решила, что у калитки что-то случилось. Подошла ближе — ближайшая женщина повернула камеру вслед за мной. Потом ещё одна. Проход к группе оставался свободным, но идти туда под этими объективами я не смогла.

Я взяла Аню за руку, потом присела перед Тимуром, чтобы завязать ему шнурки. Аня вцепилась в мой рукав и смотрела на меня испуганно, прижимаясь к моему бедру.

Ирина Петровна, воспитательница старшей группы, шагнула к калитке. Тимур уже потянул меня туда: он узнал её. Я поднялась с корточек, так и оставив один шнурок незавязанным.

— Елена Викторовна, — её голос резал тишину, как нож бумагу. — Без «разбора полетов» внутрь не войдете. Правила безопасности.

— Ирина Петровна, мы опаздываем, — начала я, пытаюсь сохранить деловой тон. Тот самый тон, которым я требовала сдачи объектов в срок. — Давайте обсудим это после...

— Обсудим сейчас! — крикнула она, повернувшись к остальным матерям. — Вы только посмотрите на эту женщину! Опасна для общества!

Она подняла свой телефон. На экране играло видео. Плохое качество, трясущаяся картинка, искаженный звук. Но я узнала себя. На записи я якобы набрасывалась на другую мать, толкала ее, орала. Это было вчера вечером. Я помнила только спор из-за парковочного места, но я не была никого. Никогда.

— Это монтаж! — мой голос сорвался на визг. Стыд обжигал щеки. — Меня провоцировали! Посмотрите внимательно, там видно, что она сама падает!

Родители заговорили разом. У кого-то телефон был почти у моего лица; я видела собственные щёки на его экране и никак не могла перестать смотреть. Красные, рот открыт. Даже без звука получилось бы то, что им было нужно.

— Мамаша-драчун! — крикнул кто-то из детей на площадке. Другие засмеялись.

Аня спрятала лицо в моей кофте. Рукав стал мокрым. Тимур сжал кулаки и стоял рядом с развязанным шнурком; больше он не тянул меня к воспитательнице. Я потянула его ближе, чтобы чужие телефоны хотя бы не снимали ему лицо.

Я попыталась увести детей. Сначала надо было вывести их из толпы, потом уже объяснять этим людям хоть до вечера. На объектах я умела остановить совещание, если оно превращалось в базар. Здесь каждый шаг назад выглядел бегством, и я сама себе мешала: оглядывалась, начинала отвечать, снова останавливалась.

Вдруг сильная рука перехватила меня за локоть. Дмитрий. Он появился будто из воздуха.

— Хватит истерить, — бросил он жестко, не глядя на меня. — Ты сейчас всех разнесешь своим поведением. Иди домой. Я заберу их сам.

— Что? — я опешила. — Они мои дети.

— Сейчас ты им хуже, чем враг. Иди.

Он не спросил, почему Аня плачет. Он смотрел мимо меня на калитку, словно оставалась всего одна помеха — я. Он забрал у меня сумки, повёл Тимура к группе, а Аню — дальше, к школе, оставив меня стоять у ворот в одиночестве, среди взглядов, которые можно было читать как приговор.

В такси я уставилась на счётчик, хотя цена была последним, о чём следовало думать. Телефон вибрировал в ладони. Отложить его на сиденье не получалось: я боялась пропустить звонок о детях. Вместо звонка приходили всё новые сообщения.

«Монолит строит дома, а хозяйка ломает судьбы». Конкуренты уже репостили ролик. «Требуем созвать внеочередное собрание учредителей. Ваша репутация ставит под угрозу контракты». Партнеры писали сухо, официально. Они уже искали способ слить активы, пока не поздно.

В ответе партнёрам набрала: «Это ложь». Стерла. Написала про провокацию — опять стёрла. Они просили собрание и решение по компании; я отвечала как человек, которому очень хочется, чтобы его пожалели. Палец завис над отправкой. Ни одного сообщения я так и не послала.

Вспомнив утро, я замерла. Время публикации видео. 8:15 утра. Примерно в это время Дмитрий вырвал у меня телефон и вышел из квартиры. Я ещё держала незастёгнутую куртку Тимура. Он появился у сада как раз тогда, когда меня окружили родители. Совпадение? После профиля «Клиент доволен» я уже не могла в это поверить.

Я вернулась к времени публикации. Восемь пятнадцать. Хотелось набрать Дмитрия и вывалить на него всё сразу, но я уже слышала ответ: «Хватит истерить». Убрала его номер с экрана. Если спрошу сейчас, он узнает, что именно я заметила.

В квартире никто не ответил на мой звонок в дверь. Открыла своим ключом. На ходу прислушивалась к детской, хотя знала, что дети остались с Дмитрием: после калитки всё равно нужно было проверить. На кухонном столе лежала единственная записка, написанная небрежным почерком мужа: «Уехал на встречу. Не звони».

Ждать его в кухне я не собиралась. Проверила карманы куртки в прихожей, историю браузера на ноутбуке, даже подушку понюхала. Вот до чего дошла. Сначала искала женщину — чужой запах, записку, бронь номера. Что-то понятное, с чем можно прийти к мужу и потребовать ответа.

Ничего не нашла. Подушка пахла нашим порошком, в карманах были мелочь и фантик. Я вернулась к его столу. Пусть даже ничего там не будет: уходить из комнаты, оставив последний ящик непроверенным, я сейчас не могла.

Но в ящике стола, под стопкой счетов за коммуналку, я нашла распечатку. Бумага была тонкой, дорогой. Логотип агентства «Марина & Со». Название услуги: «Репутационный менеджмент через дискредитацию третьих лиц».

Сумма перевода зачеркнута маркером, но просвечивала сквозь краску. Пятьсот тысяч рублей. Предоплата.

Маркером он замазал сумму, а название услуги оставил. Я поднесла лист к окну. Пятьсот тысяч. Пока я проверяла подушки, из семейных денег оплатили услугу, в которой «третьим лицом» была я. Хотелось перечитать ещё раз, только от этого слова на бумаге не менялись.

Я достала телефон и набрала номер, указанный в договоре. Гудки шли долго. Один, два, пять...

— Алло? — женский голос был спокойным, почти веселым.

— Марина? — спросила я, сглатывая ком в горле.

— Да. Слушаю вас.

— Это Елена. Та самая «третье лицо», которое вы дискредитируете.

Она замолчала. Я ждала, что сейчас начнётся: вы не так поняли, это другой договор, назовите номер. Но Марина почему-то не спросила ни номера, ни моей фамилии.

— Елена, — протянула она, как будто пробовала имя на вкус. — Ты слишком умная женщина, чтобы верить в случайности. Твой муж платил мне за твой крах. Но он обещал, что ты будешь страдать красиво.

— Зачем ему это? — мой голос звучал хрипло.

— Деньги, дорогая. Доля в «Монолите». Он хочет полный контроль. А ты... ты мешаешь. Скандал с садом — это только начало. Тебя сделают непригодной для управления. Психически нестабильной. Опасной.

Щелчок. Линия оборвалась.

Я медленно положила телефон на стол. Мир перевернулся. Была ли Марина его любовницей, я теперь не знала. Зато знала, за что он ей платил: за мой крах и контроль над бизнесом. Моя боль была валютой сделки.

Это был рейдерский захват внутри семьи.

На экране телефона вспыхнуло уведомление от мужа. Фотография. На ней улыбчивая Марина держала бокал шампанского. Подпись Дмитрия: «Спасибо за игру».

Взяла телефон снова и увеличила фотографию. Бокал, улыбка, его подпись. Он сам прислал мне это после разговора с Мариной. Чтобы я знала, что ему весело? Что всё получилось?

У меня мелькнуло желание убить их обоих. Настоящее, страшное: я даже испугалась, насколько легко представила это. Телефон пришлось положить на стол.

Потом подтянула к себе договор и разгладила загнутый угол. Пусть улыбаются. Эту бумагу я им уже не отдам.

Глава 2

В офисе пахло краской. Обычно я в первую очередь спрашивала, почему опять красят рабочий день и кто разрешил. Сейчас прошла мимо, не посмотрев даже, где ремонт. Партнёры ждали в переговорной. Я успела побывать дома, найти договор, поговорить с Мариной — и всё равно боялась, что на собрании буду объяснять, почему плакала у калитки, вместо того чтобы говорить о деньгах.

Пять человек заняли места за столом, моё кресло осталось пустым. Я стояла у него и сжимала пальцы. С этими людьми мы поднимали компанию с нуля. Они отлично знали, как я могу орать на сорванной поставке, а потом сидеть до ночи с расчётами. Сегодня никто не сказал даже «садись». Игорь поправлял папку, остальные смотрели то на неё, то в стол.

— Елена Викторовна, — начал Игорь, директор по продажам. Он впервые за десять лет обратился ко мне так официально. Это было первое оскорбление. Второе последовало следом: — Мы должны быть реалистами. Видео из детского сада уже разлетелось по всем родительским чатам города. Нас обзывают «семьёй психопатов». Клиенты звонят и спрашивают, безопасно ли работать с нами.

Он положил передо мной папку с бумагами. Толстую, увесистую.

— Что это? — спросила я. Голос дрогнул, и я возненавидела себя за это. Нужно было говорить тише, холоднее. Как он.

— Дополнительное соглашение, — ответил Игорь, не глядя мне в глаза. — Передача управленческих функций Дмитрию на период «стабилизации обстановки». Твоя доля остаётся за тобой, но голос ты теряешь. До тех пор, пока репутация компании не восстановится. А это, Лен, может занять годы. Или никогда.

Я взглянула на остальных. Нужен был хотя бы один вопрос: почему Дмитрию, на какой срок, где условие возврата полномочий? Никто ничего не спросил. Мне предлагали лишиться голоса, а они уже сидели как люди, которым осталось дожидаться моей подписи.

— Нет, — сказала я.

Мне хотелось ещё объяснять и доказывать, но это было бы начало торга. Я отодвинула папку от своего края стола.

Игорь вздохнул, разводя руками. Демонстративно устало.

— Дмитрий будет здесь через пять минут. Мы всё обсудим при нём. Уверен, он сможет тебя... успокоить.

Дмитрий вошёл через пять минут. Галстук сидел ровно, костюм не помялся — а я всё ещё помнила, как у калитки одёргивала кофту, в которую Аня уткнулась мокрым лицом. Он посмотрел на отодвинутую папку. Потом на меня. Неужели думал, что к его приходу я уже подпишу?

Он обошёл стол, не здороваясь с остальными, и остановился рядом со мной. Положил руку мне на плечо. Тяжёлая, влажная ладонь. Я дёрнулась, но он сжал сильнее, не давая отстраниться.

— Коллеги, — сказал Дмитрий громко, обращаясь к залу. — Спасибо, что пришли. Выйдите ненадолго, я хочу лично убедиться, что Лена в порядке. Ей сейчас тяжело, она на грани нервного срыва. Не стоит давить на больную.

Партнёры поднялись. Игорь оставил свою папку на столе. Я хотела попросить его остаться тоже и не смогла вовремя выговорить слова: рука Дмитрия всё ещё держала моё плечо. Дверь закрылась, он повернул замок.

Никто даже не спросил, хочу ли я оставаться с ним одна. Муж сказал «больная» — и им оказалось достаточно.

Дмитрий отпустил плечо. Пока я тёрла место, где лежала его ладонь, он достал телефон. Экран был повернут ко мне: переписка с Мариной, её фотография и сообщение «Они купились. Подпиши её».

Меня. Не договор — меня. Как будто я тоже была одним из документов, которые нужно оформить.

— Ты слышала Игоря? — спросил Дмитрий. Его голос стал низким, бархатным, но от этого ещё более страшным. — Подпиши бумагу, Лена. Прямо сейчас.

— Ты знаешь, что это ловушка, — прошептала я. — Ты знаешь, что они хотят отобрать контроль. Почему ты на их стороне?

— Я на стороне бизнеса! — рывкнул он вдруг, и я вздрогнула. Он сделал шаг ко мне, загоняя в угол между столом и стеной. Запах его одеколона — дорогая древесная композиция, которую я сама ему подарила на день рождения — ударил в ноздри, вызывая тошноту. — Ты хочешь, чтобы тебя судили за хулиганство? Чтобы детей забрали органы опеки? Я могу предотвратить это. Но только если ты перестанешь быть препятствием.

Его рука лежала на телефоне. Палец завис над кнопкой «Отправить», где был открыт файл с договором.

— Подпиши, иначе я не смогу тебя спасти. Ты будешь одна против всех. Против закона, против родителей, против меня.

Я смотрела ему в лицо и всё ещё ждала, что он опустит глаза. Есть же разница между тем, чтобы написать мерзость в чужом чате, и сказать жене про опеку, стоя так близко, что она узнаёт твой одеколон. Дмитрий ждал ответа. Моё молчание его только раздражало.

— Ты предал меня, — сказала я. Не вопрос. Констатация факта.

— Я защищаю семью, — парировал он, убирая телефон в карман. — Решай. У тебя есть час.

Он отпер дверь и вышел. Я осталась возле стены, куда он меня оттеснил, хотя идти уже никто не мешал. Час. Он дал мне час, словно я была подрядчиком, задержавшим смету.

Нужно было открыть договоры. Не оправдываться перед Игорем, а понять, что именно мне подсовывают. Ноутбук был в сумке; пока доставала его, зацепила молнией рукав. Такая мелочь, а я чуть не расплакалась снова. Уселась, поставила сумку рядом и дождалась подключения к внутренней сети. В документах хотя бы можно искать конкретную строку.

На экране мигнули файлы. Я начала искать последние изменения в структуре активов. И тут увидела уведомление о синхронизации. Дмитрий только что отправил пакет документов на личный облачный сервер. Не корпоративный. Личный.

Я открыла сведения о синхронизации ещё раз. Личное облако Дмитрия. Пока Игорь рассказывал о спасении репутации, муж забирал документы себе. Корпоративного доступа мне могли лишить в любую минуту. У него же копия останется — и только он будет решать, что показать партнёрам.

Зазвонил телефон. Банк. Голос менеджера был монотонным, роботизированным.

— Добрый день, Елена Викторовна. Сообщаем вам о временной блокировке корпоративных карт в связи с запросом службы комплаенса. Причина: «репутационный риск, связанный с участием учредителя в резонансном инциденте». Доступ к средствам ограничен до выяснения обстоятельств.

Я попыталась связаться с нашим юристом, Андреем. Три гудка. Автоматический ответчик: «Андрей занят важным клиентом. перезвоните позже». Позже. Когда будет поздно. Когда у нас не останется денег на зарплаты строителям. Когда компания начнёт тонуть.

Глава 3

Дома хотелось хотя бы услышать детей. Я задержалась у входа: ключ в замке повернулся как обычно, а я ожидала, что и здесь что-нибудь откажет, как карта или корпоративный пароль. Разулась, прошла в коридор. От детской доносился стук деталей конструктора.

Я заглянула к детям. Сын, Тимур, пятилетний мальчуган с мамиными глазами, сидел на полу и играл с конструктором. Дочь, Аня, восемь лет, читала книгу на кровати.

— Мам, почему ты плачешь? — Тимур поднял голову.

Я провела пальцем под глазом. На руке осталось мокрое пятно. До его вопроса мне казалось, что я уже привела себя в порядок.

— Просто устала, солнышко, — выдавила я улыбку. Губы дрожали.

Аня отложила книгу. Её лицо было серьёзным, взрослым. Она прыгнула с кровати и подошла ко мне.

— Папа сказал, что ты больная, — произнесла она чётко. — Он сказал, что тебе нужно отдыхать, поэтому ты не можешь играть с нами и не можешь ходить на работу. Он говорит, что ты будешь долго спать.

Долго спать. Аня сказала это без вопроса, точно пересказала правило, которое ей уже объяснили. Я могла бы ответить, что папа врёт, но Тимур сидел прямо под нами и смотрел вверх. В горле застряло всё сразу: злость на Дмитрия и желание сказать дочери так, чтобы она перестала бояться.

Дмитрий остановился в дверном проёме. Он слышал Аню и никак её не поправил. Чуть усмехнулся, пока я искала слова. Если я сейчас накричу на него при детях, им станет ещё страшнее. Он стоял и ждал именно этого; оттого молчать было почти невыносимо.

Я схватила сумочку. Мне нужен был воздух. Мне нужно было уйти из этой ловушки, прежде чем я задохнусь от собственного бессилия.

— Я вернусь скоро, — бросила я детям, не дожидаясь ответа.

В «Галерее» включили музыку так громко, что я первые минуты ничего не могла расслышать. Это помогало. Между витринами кто-то выбирал подарок, кто-то тащил пакеты; никому не было дела до меня. Шла без цели, только бы не возвращаться сразу в детскую с лицом, которое Тимур снова назовёт плачущим.

Я шла по второму этажу, стараясь не смотреть на людей. Боялась увидеть знакомые лица. Родителей из садика. Коллег. Кого угодно, кто знает о «драке».

И тут я услышала смех. Знакомый, серебристый, наглый.

Марина.

Она стояла у входа в игрушечный магазин «Мир детства». В руках у неё были две большие коробки с конструкторами. Упаковки были знакомые: такие наборы показывали в родительском чате. Поднимет ли она потом эти коробки перед камерами и назовёт их подарками пострадавшим? Я уже ждала от неё любой гадости.

Марина повернулась, заметила меня и сразу пошла навстречу. С двумя большими коробками ей пришлось обходить людей. Я могла уйти, пока она протискивалась, — но осталась. После её слов по телефону хотелось увидеть лицо женщины, которая говорит такое так легко.

— Привет, Лена, — пропела она. Голос сладкий, как испорченный мёд. — Ты бледная. Совсем не спишь?

Я молчала, сжимая ручки сумочки так, что костяшки пальцев побелели.

— Эти дети, — она кивнула на коробку в руках, — они такие милые. Особенно тот мальчик, который упал, когда ты на него кричала. Хотя, ты же не кричала, правда? Просто камера исказила звук. Так бывает.

Она приблизилась настолько, что коробка упёрлась мне в сумку. Пахло ванилью. Я отодвинула сумку, а Марина тут же наклонилась к уху; говорить громко ей уже не было нужно.

— Он выбрал сильную, Лена, — прошептала она мне прямо в ухо, так, что никто другой не мог слышать. — Дмитрий. Он устал от твоей слабости. От твоих истерик. От твоего контроля. Я не любовница, детка. Я — будущее. А ты — прошлое. И прошлое нужно убирать с глаз долой.

Её пальцы коснулись моей руки. Нежно. Издевательски.

— Сорвись, — прошипела она. — Ударь меня. Кричи. Сними видео. Докажи им всем, что ты действительно опасна.

Первой я увидела ближайшую коробку. Можно было ударить по ней снизу — подарки вылетели бы у неё из рук. От этой мысли стало сладко, и я испугалась. Она ведь именно для этого придвинулась. Ждала хоть одного движения, которое потом можно обрезать до удобных трёх секунд.

Но я вспомнила камеру в магазине. Вспомнила, как Дмитрий говорил: «Подпиши бумагу, иначе я не смогу тебя спасти». Вспомнила слова Ани: «Мама больная».

Это была провокация. Ловушка. Если я сорвусь здесь, завтра будет второе видео. И оно станет финальным гвоздём в крышку гроба моего материнства.

Я отвела глаза к вывеске магазина и втянула воздух через нос. Отпустила одну ручку сумки, потом другую. Марина ещё стояла у моего уха, ей пришлось выпрямиться, чтобы посмотреть, собираюсь ли я отвечать. Я подождала эту лишнюю секунду.

Марина ждала скандала. Я дала ей скуку.

— Приятных покупок, Марина, — сказала я ровным, холодным голосом. — Надеюсь, детям понравятся ваши подарки. Им нужно учиться щедрости.

Я развернулась и пошла прочь, чувствуя, как её взгляд сверлит мою спину. Сердце колотилось так сильно, что болели рёбра. Но я не обернулась. Я не дала им триумфа.

Домой ехала на метро, потом пересела на автобус. В вагоне держалась за поручень и время от времени разжимала пальцы: после сумки они всё ещё болели. Не ударила. Не дала ей вторую запись. Это было мало, совершенно недостаточно для детей и компании, но за этот вечер у меня хотя бы не отняли ещё что-нибудь.

Когда я открыла дверь квартиры, было темно. Дети уже спали. Свет горел только в кабинете Дмитрия.

Он был дома. Сидел за своим рабочим столом, склонившись над документами. Он даже не поднял головы, когда я вошла.

— Ты вернулась, — констатировал он. Без вопроса.

— Я вернулась, — ответила я.

Я прошла мимо него к кухне, налила стакан воды. Холодной. Чтобы утолить жажду, которая не утихала. Сделала глоток, оставила стакан на кухне и вернулась в кабинет.

Из кабинета доносился скрип ручки. Днём он требовал мою подпись, теперь опять работал с бумагами. Я хотела увидеть, под чем.

Дмитрий продолжал писать. Он быстро заполнял поля в документе, затем ставил подпись. Ручка скрипела по бумаге — неприятный, царапающий звук.

Я остановилась за его спиной. Не дыша. Смотрела на лист бумаги.

Это не было дополнительное соглашение с партнёрами. Это не было заявление в полицию.

Заголовок гласил: «Договор дарения доли в ООО „Монолит“ № 45/12».

Даритель: Дмитрий Волков. Одаряемый: ООО «СтройИнвестХолдинг».

Я повторила название про себя. «СтройИнвестХолдинг». С кем именно он делится долей? Если спросить сейчас, он уберёт лист. Я продолжала смотреть через плечо, пытаясь запомнить и название, и номер.

Но самое главное было внизу. Дата составления договора.

12 октября.

Я посмотрела на дату в телефоне. Сегодня было 2 ноября.

Скандал в детском саду случился сегодня утром. А на этом договоре стояла дата трёхнедельной давности. До того, как меня потребовали отстранить. До того, как меня называли «опасной». До того, как я узнала о Марине.

До всего этого.

Дмитрий медленно поднял голову. Посмотрел на меня через плечо. В его глазах не было страха быть пойманным. Была уверенность победителя, который показывает шахматную доску, где мат поставлен ходов десять назад.

— Ты искала доказательства измены, Лена? — спросил он тихо.

Я молчала. Горло свело спазмом.

— Измены нет, — продолжил он, поворачиваясь к стулу. — Марине платят за пиар. За грязь. За шум. Шум нужен, чтобы отвлечь внимание партнёров и налоговой. Чтобы они смотрели на твои «истерички», а не на счета.

Он откинулся на спинку кресла, скрестив руки на груди.

— Деньги уже ушли. Три недели назад. Через цепочку офшоров. Ты думала, что я предаю тебя ради другой женщины? Нет, дорогая. Я предаю тебя ради себя. Ради своего будущего. А ты... ты просто удобная жертва. Идеальная мишень.

Я держалась за край его стола. Три недели назад. Значит, деньги ушли ещё тогда, когда я обсуждала с ним обычные семейные дела и считала, что мы оба думаем о детях. Он уже составлял эти бумаги.

— А сегодня им понадобилась моя подпись? — спросила я.

Ответа не дождалась. Он смотрел так, будто уже сказал всё существенное. Я снова перевела глаза на договор. Если долю он отдаёт свою, зачем отнимает у меня право голоса? Что ещё осталось в «Монолите», до чего ему нужно добраться?

Я смотрела на свежую подпись Дмитрия под старой датой. Он только что поставил её у меня на глазах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.